

МЕТОДОЛОГИЯ

Павлов Д. О.

УДК 159.923.2

socionics@pisem.net

СОЦИОНИКА И СОВРЕМЕННАЯ МЕТАДИГМА НАУКИ

Рассмотрена история и дан обзор попыток решения вопроса о научности соционики. Проведен анализ текущего состояния соционики как с точки зрения критериев научности для современной метадигмы, так и с точки зрения методологических регулятивов научных теорий, при этом показано, что соционика не вполне отвечает ни первым, ни вторым. Предложен путь развития соционики, очерчены проблемы, стоящие перед соционикой как наукой и указан ряд первоочередных задач на этом пути.

Ключевые слова: соционика, методология, наука, теория, эксперимент, метадигма.

Я убедился на опыте, что то, чего не удалось достичь одному, удастся другому, что то, что осталось неизвестным одному веку, разъясняется в следующем; что науки и искусства не отливаются сразу в готовую форму, но образуются и развиваются постепенно, путем повторной многократной обработки и отделки...

Монтень. Опыты

Вступление

Вопрос о том, что есть соционика, всегда стоял остро с самого начала зарождения этого замечательного детища Аушры Аугустинавичюте. В те времена его решение как-то сразу отложили «на потом», но затягивание в данном случае, как это часто бывает, лишь превратило вопрос в проблему. И отнюдь не случайно в дальнейшем при попытках ее решения соционическая и околосоционическая общественность никогда не была однозначна.

Дальнейший анализ развития событий в соционике показал, что наиболее часто эта проблема редуцировалась до более тривиального, и в то же время более понятного вопроса: «соционика — это наука или нет?». Уже сама по себе такая метаморфоза, по нашему мнению, неправомерна, однако интересным представляется не только изучение возможных ответов на него, но также и причины, которые повлекли именно такое превращение, и для начала остановимся именно на них.

Итак, почему именно «наука»? Нетрудно понять, что истоки здесь лежат в самой среде, в которой мы живем, а именно в цивилизации техногенного типа. Наряду с другим типом цивилизации, традиционной, эти два больших класса цивилизаций давно выделены и изучаются учеными, в том числе философами науки [44, 45]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что для традиционалистских обществ характерно замедленное развитие, консерватизм, циклическое восприятие времени, ценности, пришедшие из прошлого, вера в то, что мир уже завершен и т. д. В то же время, техногенным культурам присущи динамичность, мобильность, ориентация на изменения, ценности, которые лежат в будущем, значимость инноваций и т. п. И именно в них науке отводится центральная роль — как постоянному генератору нового знания, которое является основой технического прогресса и которое, в свою очередь, меняет и социальную жизнь. Таким образом, для техногенной цивилизации именно наука предлагает «свою картину мира как фундамент миропонимания» [44].

Таким образом, положительное решение вопроса о научности соционики автоматически влечет за собой признание особой социальной роли и статуса, и именно поэтому считается, как указывается в работе Лытовых, что «быть наукой хорошо и достойно, а не быть — плохо» [31]. В противном же случае, который вовсе не является катастрофой (как заметил Фейнман в своих «Лекциях», «любовь — тоже не наука, что же в этом плохого?»), придется

отказаться от претензий на сколь-нибудь существенное влияние и вес соционики в обществе.

Так стоит ли соционике быть наукой? Как мне кажется, ответ на этот вопрос должны дать сами соционики как специалисты, во многом определяющие ее облик. Но если мы собираемся иметь дело с надежным, объективным и проверяемым знанием, то другой альтернативы нет — ведь с такого рода знанием имеет дело только наука, и рано или поздно на научный путь развития становиться придется. Это мое мнение, которое также поддерживают и другие авторы [43, 46, 47].

Попытки решения

Теперь о попытках осмысления и решения этого вопроса. Даже беглый анализ свидетельствует, что насколько часто его затрагивают, настолько плюралистичны мнения относительно его решения. Так или иначе, те или иные аспекты вопроса рассматривали почти все крупные соционики, кроме того, отмечался ряд дискуссий на эту тему, в которых «засветились» опять же таки почти все (стоит отметить дискуссии, инициированные С. Савченко [см., например, 20, 27, 41, 49, полный список на <http://ru.laser.ru/authors/ss/>], А. Шияном [9, 60-62], подготовкой и обсуждением неудовлетворительных результатов эксперимента СРТ-99 [большая часть опубликована в газете «Соционические чтения», полный список <http://www.socio.dp.ua/socio/np/confart.html>, особенно стоит отметить 19, 23, 24, 38, 39, 40, 42, 46, 47, 56, 58]). Итак, на вопрос о том, является ли наукой соционика, однозначно «да!» отвечают, как правило, сами соционики, особенно именитые [5-8, 18-20], достаточно оптимистичен вывод Чурюмова [57], позицию Гуленко можно назвать умеренно-колеблющейся [13, 15]. В то же время ряд других соционических авторов, обычно не столь известных общественности, демонстрируют значительно больший скепсис, и их мнение тем более интересно, поскольку часто они приводят аргументы в защиту своей позиции. Хотя мнения высказывались в разное время, большинство актуально и ныне. Большинство исследователей этой группы признают неполное соответствие стандартам научности, в частности, из-за таких причин, как:

- неопределенность объекта и предмета соционики [23, 47, 49, 50];
- отсутствие однозначного, четкого и ясного научного языка [23, 26, 57];
- неудачное и/или некорректное использование уже имеющихся терминов («терминологический нигилизм») [15, 37, 49, 50, 52];
- хаотичность, несистемность соционического знания [41, 49, 50, 54];
- приоритет субъективного начала (влияние «гуру», «культ личности») над объективным [30, 34, 38, 54, 59];
- отсутствие надежного экспериментального базиса [2, 3, 23, 25, 30, 31, 35, 38, 42, 46];
- и, как следствие, отсутствие баланса между теоретическим и эмпирическим уровнем [30, 31, 41, 38];
- проблема диагностики [24, 40, 38, 39, 46, 56, 58];
- проблема соционических школ, нежелание и невозможность диалога между ними [31, 39, 40, 41, 46, 47, 49-51, 56, 57, 59];
- недостаточный уровень критичности, догматизм, господство мифов и стереотипов [25, 41, 48, 59];
- отсутствие четких границ применимости соционики, желание «объять необъятное», т. е. претензии на универсальность и уникальность [10, 47, 49, 50];
- соционический «снобизм», т. е. непризнание равноценности соционики и других наук [23, 28, 29, 47];
- и, как следствие, нежелание идти на контакт и использовать наработки смежных дисциплин [23, 28-31, 43, 49, 50];

Из ссылок я исключил мнения людей, которых можно назвать «обиженными» соционикой — исследователей, которые резко разрывали свои связи с соционикой по причине

критики их идей, становясь в жесткую оппозицию (например, Слинько, Шиян, Зайцев), по естественной причине обоснованных сомнений в их объективности.

Оценивая рассмотрение проблемы, можно констатировать, что хотя авторы сообща и обеспечивают достаточно полное освещение всех проблемных мест, но в целом внимание авторов обычно останавливается на отдельных ее аспектах. Так, очень редко в одной работе указывается более четырех из вышеупомянутых причин. В связи с этим хочется отдельно упомянуть работы Тихонова [49, 50] и Лытовых [31], которые обеспечили наиболее целостный взгляд. Также невозможно пройти мимо одной из последних работ Лытовых [31], целиком посвященной этой проблеме, которая, однако, несмотря на во многом правильное освещение ситуации в целом, не лишена некой тенденциозности и субъективности, основанной на недостоверных фактах, когда речь идет о недостатках отдельных соционических школ. Ну и последнее, что хотелось бы отметить, это работы Бухвалова [10 и др.], которые, как мне кажется, содержат достаточное количество оригинальных идей и предложений, в том числе и в отношении того, чем все-таки является соционика, но они малоизвестны из-за, как мне кажется, выбранного им агрессивного, иронично-издевательского стиля, что воспринимается «в штыки» соционической общественностью. В целом же, можно констатировать, что рассмотрение проблемы фрагментарно, несистемно, и осуществляется обычно как-то «по ходу», в русле развития какой-либо другой темы, центральной для той или иной работы.

Известные же мнения оставшейся группы — ученых-несоциоников, но специалистов, получивших признание в области смежных наук, малочисленны и обычно негативны. Так, Амосов считал соционику не приспособленной к решению практических задач, своего рода игрой, «наукой ради науки» [1], другой исследователь, Данилов, считает ее проявлением инволюции (деградации) психологии [17], а психолог Волков вообще видит в ней зачатки деструктивного культа или тоталитарной секты [21]. С другой стороны, сейчас уже не редкость упоминание или даже рассмотрение соционического знания на страницах учебников по психологии, а также в профессиональных психологических журналах. Стоит ли считать это молчаливым признанием соционики как науки — этот вопрос пока остается без ответа.

Взгляд снаружи: метадигмы и критерии

Итак, с мини-обзором проблемы покончено, предлагаю теперь вернуться к «нашим баранам». Как уже упоминалось, само сведение вопроса о том, что есть соционика, к вопросу, наука ли она, я считаю неправомерным. Как мне кажется, более правильным будет такой вопрос: если соционика — это одна из форм освоения мира (аксиоматически будем считать, что это так), то к какой из таких форм она стоит ближе всего? Естественно, наука является одной из таких форм и будет играть своеобразную роль «точки отсчета», с которой мы будем постоянно сравнивать соционику. Но для этого необходимо выделить характерные черты именно научного знания и его отличия от других областей культуры.

Казалось бы, для этого достаточно взять любое из определений науки, например, такое (БСЭ): *«Наука — сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»*.

Но оказывается, что само по себе оно не способно дать ответ на поставленные вопросы. Кроме того, даже минимальные познания в истории науки позволяют констатировать, что в разные времена и в разных обществах люди наделяли титулом «науки» абсолютно непохожие друг на друга формы познания. И даже если взять только прошлый век, то разница между, например, естественными и техническими науками, с одной стороны, и гуманитарными — с другой стороны, такова, что позволила Ч. Сноу говорить о «двух культурах» — «физиков» и «лириков». Поэтому придется пока довольствоваться таким, на первый взгляд тривиальным, «определением»: наука это то, что научное сообщество признает наукой.

В связи со сказанным выше, при изучении научного знания важно выделять не его существенные свойства «вообще», а привязанные к определенному времени и определенному сообществу, т. е. как-то ограничить абсолютность наших определений. Для этого пред-

ставляется целесообразным воспользоваться понятием метадигмы, введенным профессором Юревичем по аналогии (смысловый ряд парадигма — социодигма — метадигма), которое подчеркивает шаблонные, инвариантные качества, одинаково присущие любой науке, принадлежащей данной метадигме [63].

Представителям разных метадигм весьма сложно, а иногда и невозможно найти общий язык. Яркий пример изложен в книге [45], там приводится реакция китайских мудрецов на описание миссионерами европейской науки: «Мудрецы нашли саму идею науки абсурдной, поскольку, хотя повелителю Поднебесной и дано устанавливать законы и трактовать их исполнение под угрозой наказания, исполнять законы и подчиняться им дано лишь тем, кто способен эти законы «понять», а «дерево, вода и камни», о которых толкуют мистификаторы-европейцы, очевидно, этим свойством «понятливости» не обладают: им нельзя предписывать законы и от них нельзя требовать их исполнения». Другим примером может служить «научная» теория происхождения уток или гусей, поддерживаемая многими учеными эпохи Возрождения: по их мнению, они порождаются «гниющими бревнами, плавающими в неаполитанском заливе» [53]. Но ученого современности больше всего поразит даже не это, а тот факт, что такие воззрения нельзя списать на неосведомленность, ведь домашнюю птицу человечество разводило уже тысячи лет и знало о них достаточно. Очевидно, в метадигму науки того времени не входила необходимость опытной проверки теорий, что, напротив, подчеркивается метадигмой нынешней.

Важно подчеркнуть, что такое непонимание не является следствием технических сложностей, вроде неадекватного перевода со старинных языков, неправильных и устаревших представлений и воззрений и т. п. В качестве контраста можно привести труды двух выдающихся ученых прошлого и представителей разных метадигм [53]: Парацельса (XVI век) и Лапласа (XVIII век). В фундаментальном труде Лапласа «Небесная механика» можно найти немало количество неверных на сегодняшний взгляд теорий, вроде теории теплорода, но мысль автора вполне понятна современнику. Совсем другое дело — Парацельс, вот как характеризует его манеру изложения Хакинг: «Даже когда нам кажется, что можно хорошо понимать слова, мы находимся как в тумане... Стиль его рассуждений нам чужд». В качестве образцов он приводит отрывки из его работ: «Сифилис нужно лечить мазью из ртути, а также употреблением внутрь этого металла, поскольку ртуть есть знак планеты Меркурий, который в свою очередь служит знаком рынка, а сифилис подхватывают на рынке» или «Природа действует через другие вещи, такие, как картины, камни, травы, слова, или когда она создает кометы, подобия, кольца вокруг планет и другие неестественные небесные образования».

Из этих примеров хорошо видно, что разница заключена в самом способе мышления представителей разных метадигм. Более того, основой формирования метадигмы, ее ядром, по Юревичу [63], является «тип рациональности», понятие, использованное ранее английским исследователем Кромби, которое и определяет различие в мышлении. Очевидно, что для традиционалистского и техногенного общества типы рациональности будут существенно отличаться, и здесь тоже трудно удержаться от примера. В опытах Выготского и Лурии жителям отдаленных кишлаков, в том числе аксакалам, пользующимся уважением окружающих из-за своей мудрости, задавали такого рода вопросы: «В Германии нет верблюдов; Берлин — город в Германии; есть ли в Берлине верблюды?». Ответ таких людей всегда был: «Наверное, есть». — «Почему?» — «Ну, город большой? Большой. Может, туда пришел киргиз с верблюдом или таджик» [44]. Так мыслят люди традиционалистской культуры, а в нашем техногенном обществе основой современной метадигмы является т. н. «западный рационализм».

Итак, минимально необходимые сведения о метадигмах, достаточные для понимания относительности делений типа «наука — не наука», получены, теперь остается добавить, что везде, где это не будет специально оговорено, я буду говорить о метадигме именно нашего времени.

Итак, попытаюсь свести все многообразие свойств научного знания к основным чертам. В современной метадигме наука обладает следующими свойствами [12]:

- она универсальна — знания, добытые один раз, можно применять всюду и всегда при сходных условиях;
- она фрагментарна — изучает не всю реальность в целом, а лишь по отдельным ее фрагментам;
- она общезначима — ее результаты могут быть применены всеми людьми;
- она обезличенна — личные особенности исследователя не должны отражаться на конечном результате работы ученого;
- она систематична — знания, получаемые науками, не являются хаотическим нагромождением частей, а представляют собой систему;
- она незавершенна — пределов научному знанию нет и не может быть;
- она преемственна — новые знания определенным образом должны соотноситься со старыми;
- она критична — даже первоосновы науки могут быть подвергнуты сомнению и критике;
- она достоверна — ее выводы допускают и даже требуют проверки по определенным правилам;
- она внеморальна — научные исследования нейтральны в морально-оценочном плане;
- она рациональна — ее основой являются рациональные процедуры;
- она сенсуалистична — ее результаты требуют эмпирической проверки.

Легко видеть, что свойства эти, в различных сочетаниях могут формировать любые другие требования, обычно предъявляемые к науке. Так, например, свойство объективности лежит на пересечении свойств универсальности, общезначимости, обезличенности, а требование воспроизводимости научных результатов является комбинацией тех же свойств плюс достоверность, критичность, сенсуалистичность.

Совокупность этих атрибутов определяет отличие науки от других форм освоения действительности. Однако важно заметить, что в действительности такие критерии являются приближенными и наука может соответствовать некоторым из них лишь до определенной степени (вспомним формулу «наука — это то, что признают наукой»). Кроме того, для других метадигм эти требования были другими: например, в античной науке полностью отсутствовал критерий фрагментарности и сенсуалистичности, а в средние века, когда наука не была отделена от религии, ученые не могли полностью принять требования незавершенности и критичности.

Сформулированные критерии полезны для анализа отличия науки от других областей культуры, к примеру, философии, обыденного познания, религии, мифологии, искусства, идеологии. Буду выделять лишь яркие, бросающиеся в глаза отличия:

- Философия: не фрагментарна, и не сенсуалистична;
- Религия: не фрагментарна, не критична, не рациональна, не внеморальна, не сенсуалистична;
- Мифология: не фрагментарна, не критична, не рациональна;
- Искусство: не обезличено, не рационально, не критично;
- Идеология: не общезначима, не достоверна, не рациональна, не сенсуалистична;
- Обыденное познание: не общезначимо, не систематично;

Теперь на соответствие указанным требованиям можно попробовать проверить соционику. Я думаю, что ни у кого не вызовут протеста мои утверждения, что она, без сомнения, общезначима, обезличена, незавершена, во многом универсальна, достоверна, внеморальна, рациональна. Особый интерес представляют следующие свойства, не попавшие в приведенный выше список: фрагментарность, систематичность, преемственность, критичность, сенсуалистичность. Я считаю, что каждое из них заслуживает отдельного комментария.

Соционику можно было бы считать фрагментарной, т. е. занимающейся отдельным пластом реальности, если бы не попытки некоторых соционических авторов представить

соционику как дисциплину, границ применения которой не существует или они слишком широки. Как уже было показано, такими свойствами обладает философия, однако и другие области знания, традиционно относящиеся к научным, тоже не обладают свойством фрагментарности, например, математика (которая, к тому же, не соответствует еще и критерию сенсуалистичности). Однако в подтверждение моих слов стоит отметить, что достаточно распространено мнение, которое, кстати, поддерживает целый ряд известных ученых, что математика не является наукой, а является особой формой языка, предельно формализованного. Приведу лишь несколько цитат:

«Математика, с нашей точки зрения, не наука — в том смысле, что она не относится к естественным наукам» (Р. Фейнман, «Фейнмановские лекции по физике», т.1-2, С. 56).

«Напомним, прежде всего, следующее важное обстоятельство: математика представляет собой язык или особую форму языка. Это в высшей степени точный и абстрактный язык, оперирующий — или позволяющий оперировать — с любыми структурными отношениями, которые существуют реально или могут существовать теоретически» (Ф. Джордж, «Мозг как вычислительная машина», стр. 34).

«Математика — это больше чем наука, это язык науки» (Н. Бор).

Аналогично математике дело обстоит с обширными междисциплинарными подходами, которые претендуют на всеобщность — например, общей теорией систем или синергетикой. Как правило, в их определении отсутствует слово наука, а применяются такие выражения, как «направление исследования», «подход», «теория».

Соционику в целом трудно назвать систематичной, поскольку она представляет собой скорее не систему, а ряд параллельных систем знаний, которые слабо связаны между собой. Этот вывод продиктован существованием ряда соционических школ, научные контакты между которыми ограничены и непродуктивны, и которые являются «хранителями» этих систем. Эта серьезнейшая проблема еще ждет своего исследования и решения, хотя очевидно, что некоторые «хронические болезни» соционики происходят именно отсюда, например, проблема диагностики. Такой способ сосуществования школ логично было бы назвать диссоциацией, и целиком очевидно, что сложившееся положение вещей отнюдь не способствует ни получению нового, объективного, свободного от случайных ошибок знания, ни систематизации уже известного.

Соционика вряд ли преемственна с той точки зрения, что, родившись на «стыке психологии, социологии и информатики», она очень мало интересуется достижениями этих наук и использует их и даже иногда претендует на самодостаточность. Более того, отсутствие кооперации породило то, что можно назвать «соционическим снобизмом» — это уверенность в том, что соционика представляет большую ценность по сравнению с другими науками о человеке, которые, с такой точки зрения, являются либо просто прошедшим этапом или всего лишь упрощенной и/или искаженной проекцией соционического знания.

Соционика в целом потенциально соответствует критерию критичности, за исключением одного «но»: идеи основательницы соционики Аушры Аугустинавичюте, особенно модель «А», крайне редко становятся объектами содержательного, конструктивного и критического анализа. Именно это, с моей точки зрения, и является основой обвинений в догматизме. Вообще-то критичность, по-видимому, является одним из основополагающих свойств науки, ведь в философии и истории этап развития цивилизации, предшествующий античной Греции (где и зародилась критичность как форма соревновательности между равноправными, свободными гражданами), считается преднаучным [45]. Ну и нельзя не сказать о достаточно странных, крайних формах, которые иногда принимает критика в соционике: чаще всего работу либо не замечают вообще, либо критикуют, что называется, по полной программе, однако критика эта редко бывает конструктивной. Кроме того, критика от несоциоников воспринимается не иначе как «гонения» на соционику, а значит, обычно не принимается всерьез и отбрасывается как информационный мусор.

Сенсуалистичность соционики находится, с моей точки зрения, под самым большим вопросом — и, как уже было показано, с этим соглашается ряд других исследователей. Объективным показателем такого вывода может служить большее на порядок количество статей чисто теоретического уровня по сравнению со статьями эмпирического уровня в ведущем соционическом журнале — «Соционика, ментология и психология личности». Именно этот вопрос стал центральным в работе [31], где авторы делают выводы, что даже практические исследования социоников в основном ограничиваются уровнем обыденного, а не научного познания. Соглашаясь со многими выводами статьи, нельзя не отметить, что эта тема также все еще ждет своего раскрытия.

Нетрудно видеть, что выделенные мной в ходе анализа проблемные места в целом соответствуют тем претензиям, которые выдвигали соционике другие исследователи. Это только подтверждает реальность и объективность проблем, стоящих перед соционикой как наукой.

Несомненный интерес представляет также анализ такого явления современности, как псевдонаука и ее соотношение с соционикой. Для псевдонауки характерно такое свойство, что, не являясь наукой по содержанию, она часто видится неискушенному взгляду таковой по форме [11, 22, 33, 44]. Чаще всего она не отвечает критерию сенсуалистичности, поскольку не допускает проверки опытом, а лишь декларирует это, не преемственна, поскольку часто претендует на коренной переворот в какой-либо области, и самое главное, она некритична, поскольку «псевдоученые» весьма болезненно относятся к критике своих «детей» и даже после убедительного для научного сообщества опровержения всяческими уловками (а иногда даже и без уловок) пытаются продлить им жизнь. С этой точки зрения, положение в соционике представляет некоторую опасность, поскольку набор «проблемных» мест соционики опасно близок к таковым для псевдонауки, с другой стороны, в соционике все-таки действует главный «очистительный механизм» — критичность. Это позволяет надеяться, что, несмотря на опасную близость псевдонауки, соционика таковой не является и со временем разрыв будет только увеличиваться. Глубокий анализ взаимоотношения соционики и псевдонауки заслуживает отдельной работы.

Взгляд изнутри: методологические регулятивы

До сих пор все, что мы рассматривали, можно было назвать взглядом на науку сверху, с «высоты птичьего полета». В таком случае, вполне логичным был бы следующий шаг — взгляд на науку изнутри, с точки зрения составляющих ее частей. Итак, для начала отметим, что простейшим и традиционным для существующей метадиagramмы является разделение уровней научного знания на эмпирический и теоретический. По упоминавшимся выше причинам, важнейшими из которых являются непропорциональный перекося в сторону теоретического знания, отсутствие полноценной методологии соционического эксперимента и др., состояние научного эмпирического уровня я считаю неудовлетворительным — он находится в процессе своего становления. Поэтому нам остается ограничиться лишь анализом теоретического уровня, в который традиционно включаются законы, теории и гипотезы. Таким образом, я предлагаю провести анализ соционики как совокупности соционических гипотез и теорий, в целом, не акцентируя внимания на конкретных их образцах.

В качестве средства анализа я выбрал соответствие т. н. методологическим регулятивам. Методологические регулятивы представляют собой правила которыми должен руководствоваться ученый, выдвигая гипотезу для того, чтобы максимально повысить вероятность получения верной или «хорошей» теории (в том смысле, что гипотеза может сама по себе и не оказаться правильной, но может подсказать нужный путь решения проблемы), а также критерии, по которым можно оценивать уже известные гипотезы. Такие правила нельзя назвать строгими, они не дают четкого разграничения «хорошее-плохое», и совершенно неправильно считать, что соответствие им гипотезы автоматически означает ее ценность, равно как наоборот — что несоответствие автоматически влечет «дисквалификацию». Хотя большинство теорий, выдержавших проверку временем, им все-таки соответствует, а вот

подавляющее большинство отброшенных — нет. Таким образом, методологические регулятивы скорее являются путеводными принципами, имеющими эвристическую, а не формальную ценность.

Ко всему сказанному хочется добавить, что общепринятого и фиксированного перечня методологических регулятивов не существует, разные авторы по разному трактуют их ценность или даже необходимое их количество [4]. В результате, сама их формулировка также оказывается размытой, а сами регулятивы — в большой мере связанными друг с другом. Можно даже утверждать, что многие из них являются просто различным взглядом на одни и те же вопросы. К тому же, наверняка эти правила — прямое следствие из свойств науки в текущей метадигме, как проекции «извне вовнутрь», так что параллели между ними не только уместны, но и весьма полезны. В чисто практических целях я предлагаю воспользоваться уже сформулированным списком, который насчитывает пять методологических регулятивов [4].

1. Принципиальная проверяемость: из положений теории должны следовать некоторые выводы (следствия), которые можно эмпирически проверить, причем такие проверки способны опровергнуть (фальсифицировать) теорию. Легко заметить, что этот регулятив тесно связан со свойством сенсуалистичности, одним из выражений которого является принцип возможности эмпирической фальсификации гипотезы. Несоответствующая такому критерию гипотеза (теория) называется непроверяемой, причем в методологии обычно разделяют два вида непроверяемости. Первый вид связан с таким предположением относительно некоторого набора экспериментальных фактов, которое не позволяет вывести никаких проверяемых следствий, отличных от тех, которые были взяты в основу при его формулировке, такое предположение называется *ad hoc* гипотезой [4, 36]. Иногда в таком случае говорят также об отсутствии избыточного эмпирического содержания в предположении. Второй вид непроверяемости подразумевает, что избыточное эмпирическое содержание (следствия) в гипотезе имеется, однако такие следствия совместимы с любым результатом опыта, т. е. таким путем гипотезу опровергнуть не представляется возможным.

В связи со сказанным возникает сразу несколько замечаний, напрямую относящихся к соционике. Во-первых, достаточно часто встречаются в соционике и такие работы, которые базируются не на опытных фактах, по крайней мере, из работы невозможно определить, для объяснения какого круга таких фактов данная гипотеза предназначена. Исходя из этого, можно констатировать, что чистые *ad hoc* гипотезы в понимании естественных наук в соционике редки, а значит, в таком случае можно пренебречь непроверяемостью в первом смысле. Во-вторых, несмотря на вышесказанное, остается проблема с непроверяемостью во втором смысле: в соционике достаточно много таких теорий, которые излагаются настолько обобщенно, что для них сложно предложить способ их эмпирической проверки, так, чтобы не наткнуться на множество «но», которые их авторы обязательно будут трактовать в свою пользу. Получается парадоксальная ситуация: какие бы эксперименты не проводили сомневающиеся, автор теории обязательно найдет причину, почему исследования не подходят для ее опровержения — а это и есть неопровержимость во втором смысле. Такой парадокс, на мой взгляд, может быть решен следующим образом: возможность проверки гипотез, вплоть до возможной схемы опровергающего их эксперимента, должны предлагать сами их авторы.

2. Максимальная общность: из теоретического построения должны выводиться не только те явления, для объяснения которых оно предлагается, но и возможно более широкий их класс, непосредственно, казалось бы, не связанный с первоначальными [4]. Смысл данного требования прост: поскольку явления не существуют изолированно, а представляют собой проявления каких-то более общих сущностей, то «зацепить» истинной гипотезой лишь один конкретный факт практически невозможно, она обязательно должна проявить себя и в объяснении других явлений. Для объяснений же узкого круга или даже единичного по своей сути явления (например, в исторических науках) этот регулятив звучит несколько по иному: для объяснения такого явления нужно привлекать как можно более общие законы, а не постулировать наличие некоего «уникального» для данного явления механизма [4]. Т. е. речь

идет о некоторой вариации на тему «бритвы Оккама».

Очевидно, данный регулятив тесно связан по сути с содержанием предыдущего. Действительно, очевидно, что *ad hoc* гипотеза, которая не объясняет ничего, кроме фактов, для объяснения которых она и была предназначена, имеет наименьшую, нулевую общность — ведь ей по определению ничего больше объяснить нельзя! Таким образом, построение *ad hoc* не соответствует двум регулятивам сразу. Корни же этих требований, очевидно, лежат в свойстве универсальности науки.

Одно из практических правил — осторожное введение *ad hoc* гипотез и теорий. Важно отметить, что такие гипотезы не всегда должны быть сразу же отброшены, ведь гипотеза может получить неожиданные подтверждения впоследствии, из другой области. Таких примеров в науке немало, достаточно вспомнить гипотезу Планка о квантовании энергии, которая на момент выдвижения представляла типичную *ad hoc* гипотезу нулевой общности, созданную лишь для объяснения одного единственного эффекта — спасению физики от «ультрафиолетовой катастрофы», которая следовала из закона Релея — Джинса. Однако время показало, что гипотеза, несмотря на первое впечатление, обладает весьма большой общностью и, как всем известно, заняла достойное место в науке. Таким образом, оценка гипотезы как *ad hoc* есть факт исторический, и тревожным является не само выдвижение такой гипотезы, а то, что она продолжает оставаться таковой долгое время, несмотря на усилия других исследователей.

Здесь следует отметить, что, насколько можно судить, в подавляющем большинстве соционические теории этому регулятиву не противоречат.

3. Предсказательная сила: теория должна быть в состоянии предвидеть новые факты, прогнозировать [4]. Мне кажется, стоит обратить внимание на практическую ценность следствия этого требования, которое фактически объясняет, почему именно наука занимает центральное место для культуры техногенной цивилизации. Ведь если бы оно не соблюдалось, никакие достижения НТР не были бы возможны, ведь невозможно было бы спроектировать (а это именно предсказание!) никакую работающую сложную вещь, будь то самолет, компьютер или просто сложный мост.

И снова хочется обратить внимание на тесную связь рассматриваемых регулятивов. Снова рассмотрим *ad hoc* гипотезу, которая, как мы выяснили, не удовлетворяет первым двум из них сразу. Но она не удовлетворяет и третьему, поскольку вывести никаких новых фактов из нее по определению же невозможно. Здесь стоит заметить также, что под предсказанием понимается не только вывод абсолютно неизвестных прежде фактов, новыми также будут являться те, которые не учитывались при создании гипотезы.

Аналогично замечаниям по первому регулятиву, приходится констатировать, что хотя соционики и декларируют широкие прогностические возможности своих теорий, но мало кто из них пытается делать действительно конкретные и проверяемые прогнозы, которые не напоминали бы астрологические гороскопы из желтой прессы. А ведь хорошая предсказывающая способность дает гипотезе весьма сильные козыри против конкурирующих, и при прочих равных, предпочтение всегда будет отдано именно такой.

4. Принципиальная простота: состоит в способности теории, исходя из сравнительно немногих оснований, объяснить наивозможно более широкий круг явлений. Такую простоту не следует понимать как простоту онтологическую, т. е. как простоту явлений, которые должна пояснить теория, или простоту, например, математических выкладок, которыми выражается теория. Проще всего особый смысл принципа принципиальной простоты раскрыть на конкретном примере — сравнении систем Птолемея и Коперника.

Итак, геоцентрическая система Птолемея подразумевала вращение планет и солнца вокруг Земли, при том этого было совершенно недостаточно для объяснения «странного», зигзагообразного характера этих движений. Для согласования теории с опытом пришлось ввести допущение, что планеты движутся по окружности небольшого радиуса (эпициклу) вокруг некой точки, которая сама вращается вокруг Земли. Вскоре таких допущений оказалось недостаточно, и в систему пришлось вводить второй эпицикл, затем третий и т. д. К

моменту своего заката теория Птолемея насчитывала до нескольких десятков различных эпициклов, радиусы которых, казалось, были совершенно хаотическими. В противоположность этому, гелиоцентрическая система Коперника подразумевала вращения планет вокруг Солнца по круговым орбитам, при этом на время эпициклы сохранились в гораздо меньшем количестве, однако при развитии теории и от них избавились, заменив круговые орбиты эллиптическими.

Очевидно, что система Птолемея к моменту конкуренции со системой Коперника была несравненно сложнее. Существует даже легенда, что испанский инфант, в дальнейшем Альфонс X Мудрый, ознакомившись с системой Птолемея, заметил, что если бы Господь Бог посоветовался с ним при создании мира, то он бы рекомендовал устроить мир попроще [4]. На сравнении двух соперничающих теорий можно заметить основные особенности принципа принципиальной простоты.

Этот принцип применим не к отдельно взятой теории, а к двум конкурирующим теориям, из которых одна оказывается проще, а другая — сложнее другой;

Две системы имеют одинаковое эмпирическое подтверждение, в данном случае, обе они могут быть использованы для объяснения и предсказания положений планет. В случае, когда одна из них не согласована с опытом, никакая простота не сможет это компенсировать;

Сложность проигравшей теории возникает не «сама по себе», а вследствие постоянного добавления значительных количеств гипотез *ad hoc*, которые нужны для «спасения» гипотезы от краха из-за несовпадения с эмпирическими данными, и наоборот, в победившую теорию внесение гипотез *ad hoc* нехарактерно, скорее модифицируется ее ядро, что и обеспечивает ее простоту;

Из вышесказанного видно, что истинная теория остается простой при ее развитии, в то время как ложная усложняется лавинообразно, хотя первоначально простота теорий могла быть и соразмерной. Из-за такой особенности принцип принципиальной простоты иногда называют принципом динамической простоты, подразумевая, что теория не просто должна обладать простотой, но и сохранять эту простоту при развитии в большей степени, чем ее конкуренты.

Нетрудно объяснить теперь, почему проверить соответствие гипотез в соционике этому регулятиву достаточно затруднительно. Дело здесь в том, что полноценная их эмпирическая проверка по уже указанным причинам затруднена и, как правило, не производится, поэтому гипотезы часто развиваются так медленно, что говорить о значительно большей принципиальной простоте какой-либо из них нет никакого смысла.

5. «Системность»: новые теории должны удовлетворять существующим на данной стадии развития науки некоторым общим «правилам игры» (в широком смысле). Выражаясь по-другому, можно переформулировать этот принцип как связь нового знания с уже построенным «научным зданием», при этом они не могут ни «висеть в пустоте», не опираясь ни на что больше, ни подрывать своим существованием само существование науки. Нетрудно усмотреть в этом принципе связь с такими критериями, как, во-первых, преемственность, и, во-вторых, систематичность.

Действие такого требования легко проиллюстрировать на модели Т. Куна: для периода «нормальной науки» выдвигающиеся теории должны соответствовать господствующей парадигме, для периода «научной революции» они должны подчиняться т. н. принципу соответствия, который гласит, что старые теории должны входить в новые как граничные случаи последних.

Как уже отмечалось, в соционике данный принцип выполняется далеко не в полной мере. Связано это, по всей видимости, с тем, что «правила игры» в нашей дисциплине еще не установлены, поэтому соответствие вводимых в соционику теорий обычно ограничивается соответствием новой гипотезы старым того же автора, или той же соционической школы. Гораздо хуже, что даже сами попытки установить такое соответствие предпринимаются далеко не всегда.

Итак, можно констатировать, что в целом соответствие соционических теорий рассмотренным методологическим регулятивам в среднем от плохого до удовлетворительного (один-два регулятива из пяти). В первую очередь это относится к первому из них, принципиальной проверяемости. Причины этому, как мне кажется, лежат в том, что история соционики значительно короче, чем у естественных наук.

Что делать?

В предыдущих разделах мы попытались проанализировать сложившееся в соционике положение вещей. Само по себе такое исследование интересно, но сама констатация факта неполного соответствия соционики стандартам научности, по-моему, недостаточна и может быть воспринята как неконструктивная критика, недостатка в которой не было и не будет никогда. Поэтому я попытаюсь осветить собственный взгляд на сакраментальный вопрос «Что делать?». Итак, как я уже указывал, быть (или становиться) наукой соционике все-таки стоит. Поэтому оставляю возможность анализа принципиально отличающихся вариантов ответа на этот вопрос другим исследователям, а все усилия направляю именно в этом направлении. Сам факт существования несоответствия, после проведения тривиального формального разбора, ведет к четырем вариантам действия. Попробую рассмотреть их поподробнее:

а). Ничего не менять: пусть все идет своим чередом...

Самое интересное в этом тривиальном варианте действия, что даже полная пассивность может привести здесь к частичному успеху — постепенному признанию соционики наукой вначале научным сообществом, а следовательно, впоследствии и социумом в целом. Такое признание, как уже указывалось, имеет как положительные, так и отрицательные стороны, но, в целом, будет способствовать приливу «свежей крови» и свежих идей, а также переходу соционики к полноценному (с точки зрения существующей метадигмы) научному статусу не только де-юре, но и де-факто.

б). Поменять метадигму под соционику:

Самый решительный вариант — «не стоит прогибаться под изменчивый мир, однажды он прогнется под нас...». Может, конечно, и прогнется, но поскольку мобильность метадигм крайне низка, этот процесс может затянуться на сотни лет, не говоря уже о том, что эффективные средства влияния на метадигму у небольшой прослойки социоников отсутствуют вовсе.

в). Радикальный вариант: поменять и соционику, и метадигму:

Такой подход объединяет в себе недостатки предыдущего и следующего подходов, при этом его трудоемкость из-за необходимости координации изменений существенно возрастает, поэтому практически такой вариант рассматривать не имеет смысла.

г). Поменять соционику под метадигму:

Такой вариант, по моему мнению, самый приемлемый. Однако, чтобы перейти от абстрактного «настраивания» соционики под метадигму к конкретным предписаниям, необходимо выйти на уровень решения отдельных проблем. А уже рассмотренные свойства науки как с внешней, так и с внутренней стороны позволяют ясно такие проблемы выделить. Условно (и больше для удобства) разобьем проблемы на три группы — эмпирического уровня, теоретического уровня и проблем систематизации и коммуникации.

Проблемы эмпирического уровня

Проблема эмпирического уровня в соционике одна — но она настолько масштабна, что без ее решения дальнейшее полноценное развитие соционики как науки, по-видимому, невозможно. Более того, следствия из этой проблемы сами представляют собой проблемы не меньшего масштаба. Итак, такой проблемой является совершенно неадекватное недоразвитие всей эмпирической области соционики. Причиной этого, как мне кажется, стало то, что до сих пор гораздо больше сил и внимания уделялось теоретическому исследованию, чем опытному. Результатом является то, что при проведении любой эмпирической проверки исследователю приходилось пользоваться в лучшем случае методологией эксперимента для

другой науки, а в худшем руководствоваться уровнем здравого смысла, не случайно Лытовы обвиняют исследователей в том, что соционика довольствуется уровнем «обыденного» познания при генерировании новых эмпирических фактов [31], фактически, о том же говорит и Леонтьев [25]. Позиция, когда под лозунгом «нечего изобретать велосипед!» соционике предлагается безоговорочно принять экспериментальные методы других наук, нетождественных с соционикой, — физики ли (как того могут потребовать позитивистски настроенные сторонники «естественнонаучной» соционики), психологии (как предлагают в [31]) или других, мне тоже представляется неприемлемой. Ведь каждая наука имеет свои методологические нюансы, в том числе и в опытной части, что совершенно не мешает всем им вместе иметь общие принципы. Нельзя сводить биологический эксперимент к химическому, а последний — к физическому, и наоборот, сколь близкими они не казались. Другое дело, что, естественно, с нуля методологию эксперимента строить бессмысленно, за основу, конечно же, надо брать методы других наук, но именно брать за основу, а не слепо копировать. В качестве ближайшего аналога соционики, на мой взгляд, может выступить психология, для этого нужно их все-таки достаточно четко разграничить (см. проблемы систематизации и коммуникации), ведь исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по этому вопросу. [13, 31, 32].

В качестве частной проблемы хочется заметить, что у каждой науки и в каждой теории существует способ перевода с языка теории на язык практических, проверяемых утверждений, о чем уже упоминалось в предыдущем разделе. Без такого способа такая теория в лучшем случае философия, в худшем — наукообразная чушь. В соционике такого способа в общем случае не существует, а авторы-соционики часто не предоставляют такого способа и в частных случаях.

Можно также констатировать, что в соционике не только нет баланса между теоретическим и эмпирическим, но и нарушена связь между ними, в результате чего теории продолжают свое существование без всякой опоры на факты, а эксперименты часто полностью игнорируют теорию, руководствуясь принципами, взятыми из других наук.

В качестве важной проблемы, порожденной недостаточным развитием эмпирического уровня в соционике, достаточно упомянуть лишь проблему диагностики. Сама по себе эта проблема настолько комплексна, что совершенно очевидно, что своим возникновением она обязана также и другим нерешенным вопросам соционики (хотя бы той же систематизации и коммуникации). С другой стороны, я думаю, совершенно очевидно, что без решения этой частной проблемы невозможно решение и общей. Ведь любые, даже простейшие гипотезы, для своей верификации нуждаются в людях-носителях соционических типов, на которых она и будет проверяться. И пока диагностика типов не будет в достаточной степени объективна, надежна и валидна, то результаты экспериментов всегда могут быть оспорены и поставлены под сомнения («А откуда я знаю, что вы определили типы верно?»).

Проблемы теоретического уровня

Проблем такого рода в соционике тоже предостаточно, причем все они также комплексные. Одной из самых актуальных на сегодняшний день я считаю неопределенность объекта и предмета соционики. Отсутствие хотя бы сколь либо однозначной и ясной позиции в отношении этого вопроса среди социоников порождает множество других трудноразрешимых или даже губительных для соционики как науки проблем. Самой очевидной из них является тот факт, что до сих пор не сформулированы границы применимости соционики или хотя бы области, где соционике применять затруднительно или нецелесообразно. Соответственно, у многих, особенно начинающих социоников, возникает желание и уверенность описать соционикой чуть ли не все явления, связанные с человеком и обществом, а это порождает иллюзию «всемогушества». Этот факт сам по себе является нонсенсом, поскольку наука, как инструмент, не может применяться в любой ситуации, а лишь в той, для которой она и предназначалась, и лишь путем существенной работы ей удастся выходить за первоначально установленные рамки. Другими словами, расширение сферы влияния не дается «за-

даром», таким образом, претензии на универсальность, всеохватность и уникальность имеют мало оснований. Я думаю, путь решения этой проблемы находится в разделении собственно соционики, имеющей свой объект и предмет и, соответственно, их определяющей, и соционической философии, которая в рамках соционических понятий и представлений будет пытаться найти ответы на вопросы, характерные именно для философии.

Следующей, не менее важной, но все еще не решенной проблемой является научная соционическая терминология. Общеизвестно, что в соционике пока отсутствуют глоссарии, словари, справочники и другая литература подобного рода, в которых можно было бы уточнить смысл того или иного термина. Вернее говоря, до сих пор было известно лишь несколько неполных попыток создания работ такого рода, обычно лишь в рамках отдельной школы [см., например, 14, а также появившуюся в последнее время современную версию 26]. А ведь соционика имеет дело с очень сложными объектами, свойства которых, в свою очередь, также весьма сложны и допускают множество описаний и толкований. В результате не является секретом, что при употреблении одних и тех же слов, терминов соционическими авторами возникает иллюзия понимания, на самом деле смысл существенно искажается (более подробно проблема была рассмотрена в [37]). Этот весьма печальный факт способствует разобщению социоников, которые, получив негативный опыт понимания своих идей, в дальнейшем уже и не пытаются их донести до других, «инкапсулируются» в рамках своей соционической школы. В худшем случае происходит полное разочарование в соционике и, как правило, переход к огульной критике всей соционики в целом. Таким образом, эта проблема напрямую связана с коммуникативными проблемами внутри соционики.

С другой стороны, имеются трудности также с теми терминами, которые не являются строго соционическими, например с теми, которые уходят своими корнями в психологию, или просто имеют вполне определенное бытовое значение. Начало таким проблемам положила сама Аушра Аугустинавичюте, используя далеко не нейтральные термины типа «логика», «интуиция», «экстраверсия» и т. п. В результате точно такого же искажения смысла [37] точно такие же коммуникативные проблемы возникают при общении социоников с представителями смежных дисциплин.

Проблемы систематизации и коммуникации

Это последний класс рассматриваемых нами проблем, и прежде всего хотелось бы отметить, почему я выделил в одну группу систематизации и коммуникации. На мой взгляд, это две стороны одной медали, поскольку общая несистемность соционического знания, которая, как мы уже отмечали, выражается прежде всего в существовании ряда «параллельных» соционических школ, слабо взаимодействующих между собой, ведет к затрудненной коммуникации между ее участниками, которая, в свою очередь, ведет к еще большей диссоциации участников соционического сообщества и еще большей несистемности совокупного научного продукта. Таким образом, между этими явлениями существует, как мне кажется, положительная обратная связь.

Как и в случае с терминологическими проблемами, здесь имеется два уровня. Первый из них связан с несистемностью самого соционического знания. Одну из причин этого я вижу в том, что каждый соционик вел себя (и многие продолжают), образно говоря, как глухарь на току — никого не слышу, кроме себя. В свою очередь, причина этого явления остается неисследованной, хотя некоторые предварительные соображения, связанные с терминологической разобщенностью, я уже высказывал выше. Важно сказать, что в итоге накапливающегося разобщения различия становятся настолько значимыми, что практически любое соционическое утверждение нуждается в дополнении вида «в рамках такой-то школы», так как без такого уточнения вообще непонятно, о чем идет речь. В то же время создается впечатление, что различия между соционическими школами сознательно или несознательно игнорируются, по крайней мере, совершенно не проводятся попытки сравнивать их между собой, а еще лучше создать всеобъемлющую классификацию на основе их базовых понятий и представлений. Кроме того, достаточно небольшое количество школ явно заявили о своих

основаниях [см. например, 15]. Лишь после этого, поняв различия, можно будет приступить к построению «мостиков» между школами.

Другим уровнем этой проблемы является несистемность соционического знания среди знаний других наук, оно как бы «висит в воздухе» не опираясь ни на что. Причина здесь несколько иная — ведь соционика изначально была вынуждена «вариться в собственном соку», отвергнутая официальными науками. Однако долгое пребывание в таком положении в сочетании с неопределенными границами применимости соционики, создающими видимость ее «универсальности», судя по всему, и породило соционический «снобизм», т. е. желание поставить соционику выше других наук, и, следовательно, непризнание их равноценности. Естественным в такой ситуации являлось нежелание идти на контакт и использовать наработки смежных дисциплин, однако в нынешнее время такая позиция является ощутимым тормозом развития. Как и в предыдущем случае, без полноценного диалога вряд ли стоит надеяться на большое будущее соционики, и отрадно, что сейчас ведется много работ именно в этом направлении.

Как мне кажется, вполне очевидным является то, что все эти проблемы переплетены в тесный клубок, совершенно невозможно решить любую из них в отрыве от других. И наоборот, постепенно улучшая ситуацию с одним из зафиксированных проблемных пунктов, одновременно будет улучшаться ситуация и в других. В любом случае, необходимы еще масса усилий и множество работ, затрагивающих частные аспекты упомянутых проблем.

Выводы

Итак, как показывает проведенное исследование, вопрос о том, чем является соционика, является важным, и в литературе весьма часто затрагиваются те или иные его аспекты. Вместе с тем, хотя в целом описание проблемы достаточно полно, но тем не менее почти всегда оно несистемно и малопродуктивно. Так, критика уровня «так делать нельзя» весьма распространена, но конкретных путей решения поставленных вопросов обычно не предлагается.

В данной работе также проведен анализ текущего состояния соционики как с точки зрения критериев научности для современной метадиогмы, так и с точки зрения методологических регулятивов научных теорий, при этом показано, что соционика не вполне отвечает ни первым, ни вторым. Однако, по мнению автора, это не является фатальным. Во-первых, максимально полным соответствием метадиогмальным критериям могут похвастаться лишь естественные науки, тогда как, например, для психологии оно уже значительно хуже. Здесь, с моей точки зрения, важен некоторый минимум, достигнув которого, дисциплина начинает признаваться как наука обществом. Во-вторых, методологические регулятивы прекрасно работают лишь для зрелых отраслей научного знания, тогда как соционике к таковым отнести еще нельзя.

Также, по мнению автора, наиболее перспективным для развития соционики является научный путь. Для этого должно быть достигнуто более полное соответствие метадиогмальным критериям и методологическим регулятивам, которое реализуется в текущей ситуации лишь путем некоторого самоограничения. Это может быть воспринято как «жертвы», но они крайне необходимы. Мои предложения для всех социоников:

- отказаться от «универсализма» соционики («пансоционизма»), как инструмента в любой ситуации и для любых целей;
- соответственно обозначить границы сферы действия соционики, определив ее объект и предмет;
- преодолевать комплекс «особой молодой науки» и начать наконец пользоваться результатами смежных дисциплин в полной мере;
- повышать систематичность соционических знаний, для этого не обойтись без реализации механизма взаимодействия различных соционических школ;
- не утрачивать жизненно необходимого для науки уровня критичности и самокритичности;

- и, наконец, last but not least — наконец-то разработать методологический базис для эмпирического уровня своей науки, что позволит кардинально уменьшить количество чисто умозрительных построений в соционике, отбрасывая несостоятельные гипотезы, а также решить «вечную» проблему — проблему диагностики.

Л и т е р а т у р а :

1. Амосов Н. М. Соционика — наука ради науки... // Социон. — 1997. — № 2. — С. 20–25.
2. Афендик А. Л. О соционической метрологии — соционикометрии // СМиПЛ. — 2002. — № 1.
3. Афендик А. Л. Соционика — неподтверждённая гипотеза или научное знание о возможности прогнозирования человеческих отношений? // СМиПЛ. — 2001. — № 6.
4. Баженков Л. Б. Стреление и функции естественнаучной теории. — М.: «Наука», 1978.
5. Букалов А. В. Соционика: гуманитарные, социальные, политические и информационные интеллектуальные технологии XXI века // СМиПЛ. — 2000. — № 1.
6. Букалов А. В. Соционика и психоинформатика: универсальный инструмент анализа, структурирования и организации человеческого знания // СМиПЛ. — 2002. — № 3.
7. Букалов А. В. Соционика, ментология и психология личности // СМиПЛ. — 1995. — № 1.
8. Букалов А. В. Соционика — новый подход к пониманию человека и общества // СМиПЛ. — 1996. — № 1.
9. Букалов А. В. Соционика, теория управления и моделирование информационных процессов психики // СМиПЛ. — 1998. — № 2.
10. Бухвалов Д. Вероятность и уникальность // рукопись, www.laser.ru/ru/authors/danil/prob_uniq.htm
11. Волькенштейн М. В. Трактат о лженауке // Химия и жизнь. — 1975. — № 10.
12. Горелов А. А. Концепции современного естествознания. Учебное пособие. — М.: Центр, 1998.
13. Гуленко В. В. Соционика: между наукой и искусством // СМиПЛ. — 1997. — № 1.
14. Гуленко В. В. Основные понятия социоанализа. — рукопись, Киев, 29.08.1996, вошла также в работу «Юнг в школе» (приложение 9).
15. Гуленко В. В. Чтение без уроков. Ответ попутчику // СМиПЛ. — 2004. — № 6.
16. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Юнг в школе. Соционика — межвозрастной педагогике: Учебно-методическое пособие. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та; М.: Совершенство, 1997. — 270 с.
17. Даниленко В. П. Инволюция в науке: психологические квазинауки. — рукопись, см. также www.islu.ru/danilenko/articles/psychkvazi.htm
18. Ермак В. Д. Как научиться понимать людей. Соционика — новый метод познания человека. — М.: ООО «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 523 с.
19. Ермак В. Д. Крах иллюзий соционики?.. Нет — типология ! // Соционические чтения. — 1999. — Вып. 9 (30).
20. Ермак В. Д. Противоречия в соционике?.. Нормально. Это ведь наука!.. — Рукопись, см. также на <http://ru.laser.ru/authors/ss/discuss2.htm>
21. Интервью с Е. Волковым // Мост. — 1999. — № 5-6. — <http://uralsocionics.narod.ru/most5vol.html> и http://info.sandy.ru/socio/people/volkov/practical_psychology/socionika/socionika_interview.html
22. Кутайгородский А. И. Реникса. — М., «Молодая гвардия», 1973. — 192 с.
23. Козолуп А. П. Кризис в соционике: взгляд психофизиолога // Соционические чтения. — Вып. 3 (36). — Март 2000; повторная публикация: «Соционическая газета», 2003, вып. 15 (18).
24. Иванов Д. А. К вопросу о проведении эксперимента по социодиагностике // Соционические чтения. — 1998. — Вып. 17 (20).
25. Леонтьев В. О. Соционика и психология // Соционика, психология и межличностные отношения. — 2002. — № 12.
26. Лёдин В. В., Гуленко В. В., Павлов Д. О. Глоссарий некоторых соционических терминов в трактовке школы гуманитарной соционики // СМиПЛ. — 2005. — № 6.
27. Литвиненко И. Ю. Основные противоречия в соционике? // Рукопись, см. также на <http://ru.laser.ru/authors/ss/discuss5.htm>
28. Лытов Д. А. Психологи и соционики: возможен ли диалог? // 1) Соционическая газета. — 2003. — № 22 (25); 2) (под назв. Диалог с коллегами: на каких условиях? Ч. 2: Соционика и психология) // СМиПЛ. — 2003. — № 6.
29. Лытов Д. А. Соционика и МВТ: коллеги или конкуренты? // 1) Соционическая газета. — 2003. — № 24 (27); 2) (повторная публикация: Диалог с коллегами: на каких условиях? Ч. 1: Соционика — типология Майерс-Бриггс) // СМиПЛ. — 2003. — № 5.

30. *Лытов Д. А.* Соционика: от ролевой игры к теории отношений между психологическими типами // Сибирский психологический журнал. — Вып. 18. — 2003. — С. 32-38, также на <http://socioniko.net/ru/articles/3stages.html>
31. *Лытова М. Ф., Лытов Д. А.* О перспективах соционики как науки. // СМиПЛ. — 2005. — № 5.
32. *Мегедь В. В., Овчаров А. А.* Отличие методов соционики и психологии // Соционика, психология и межличностные отношения. — 2003. — № 1.
33. *Мигдал А.* Отличима ли истина от лжи? // Наука и жизнь. — 1982. — № 1.
34. *Небыкова С. И.* Прокрустово ложе 16 типов // ПиСМО. — 2003. — № 8.
35. *Немировский А. А., Симонов Ю. И.* Вероятностно-потенциометрический подход к соционическому типированию // СМиПЛ. — 2001. — № 5.
36. *Никифоров А. Л.* Философия науки: история и методология. — М., 1998, также на <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/>
37. *Павлов Д. О.* Название имеет значение // СМиПЛ. — 2005. — № 2-4.
38. *Пецольт С. Э.* Старые песни о главном // Соционические чтения. — 1999. — Вып. 9 (30).
39. *Пецольт С. Э.* Чешуйки змеи // Соционические чтения. — 1998. — Вып. 12 (15).
40. *Ритчик Д. Ю.* Определяем? Типы?? Да!!! // Соционические чтения. — 1998. — Вып. 18 (21).
41. *Савченко С. В.* Основные противоречия в соционике // Еженедельник АСС «Единство» от 21.06.1999, также на <http://ru.laser.ru/authors/ss/discuss1.htm>
42. *Семенча И. Е.* Проблемы современного развития теории информационного метаболизма // Соционические чтения, 1999, вып. 5 (26).
43. *Славович С.* Попытка начать «наводить мостики» от соционики к наукам. 1-й подход: «мостики» к психологии // Соционическая газета. — 2003. — Вып. 6 (9).
44. *Степин В. С.* Наука и лженаука // Науковедение. — 2000. — № 1.
45. *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. — М.: «Контакт-Альфа», 1995 г., также на <http://www.philosophy.ru/library/fnt/00.html>
46. *Стойкин В. А.* Как сравнивать работу социоников? // Соционические чтения. — 1998. — Вып. 12 (15).
47. *Стойкин В. А.* Соционика и социальные технологии в XXI веке // Соционические чтения. — 1999. — Вып. 9 (30).
48. *Тинувиль, Хольгер.* Социотипы и стереотипы // Рукопись, апрель, 2005, <http://socioniko.net/ru/articles/hol-tip-stereo.html>.
49. *Тихонов А. П.* Основные? Противоречия?? В соционике??? // Рукопись, см. также на <http://ru.laser.ru/authors/ss/discuss4.htm>
50. *Тихонов А. П.* Тип информационного метаболизма как связующее звено в исследовании психических явлений // СМиПЛ. — 2000. — № 3.
51. *Тихонов А. П., Лапина И. В.* Гипотеза о совпадениях или совпадение гипотез (из опыта соционической практики) // СМиПЛ. — 1998. — № 6.
52. *Филатова Е. С.* О соционической терминологии // СМиПЛ. — 1999. — № 1.
53. *Хакинз Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. Пер. с англ. / Перевод С. Кузнецова, науч. ред. Мамчур Е. А. — М.: Логос 1998. — 296 с.
54. *Цыпин П. Е.* Соционика: наука или игра? — Доклад на конференции «Перспективы соционики как науки», М., 17 апр. 2005. Также на <http://socion.org/article.php?id=1>
55. *Чурюмов С. И.* Неизбежность методологии // СМиПЛ. — 2003. — № 1.
56. *Чурюмов С. И.* Свет и горизонты «большого эксперимента» // Соционические чтения. — 1999. — Вып. 9 (30).
57. *Чурюмов С. И.* Соционика и философия: ничто не ново под Луной // СМиПЛ. — 1998. — № 1-2.
58. *Чурюмов С. И.* Эпоха больших экспериментов // Соционические чтения. — 1999. — Вып. 5 (26).
59. *Шепетько Е. В.* Проблемы соционики и социоников // СМиПЛ. — 2003. — № 6.
60. *Шиян А. А.* Об одном классе самоорганизующихся (самопрограммируемых) абстрактных информационных автоматов для управления иерархическими природными системами // Соционические чтения. — № 6 (9). — 1998.
61. *Шиян А. А.* Обзор научного уровня журнала «Соционика, ментология и психология личности» // Соционические чтения. — 1998. — № 6 (9).
62. *Шиян А. А.* Ответное письмо // Соционические чтения. — 1998. — № 6 (9).
63. *Юревич А. В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. — 1999. — №2. — С. 3-11.

Статья поступила в редакцию 01.02.2006 г.